

ПРИЛОЖЕНИЕ

ΜΕΜΝΟΝ
Ο ΓΕΡΑΚΛΕΕ

ΜΕΜΝΟΝΟΣ
ΠΕΡΙ ΗΡΑΚΛΕΙΑΣ

В. П. Дзагурова

ВВЕДЕНИЕ

Хроника Мемнона «О Геракле» представляет для советских историков античного мира выдающийся интерес как относительно полно сохранившийся образец громадной, но не дошедшей до нас древней литературы «местных хроник», притом образец, касающийся дел черноморского побережья. Только читая ее, можно составить ясное представление, какую невозместимую утрату для изучающих древнюю историю Причерноморья представляет потеря таких произведений древней исторической науки, как сочинения Сириска, историка Херсонеса Таврического, Деметрия из Каллатиды или тех «историков деяний Митридата», на которых неоднократно ссылается Страбон. Несомненно, местные историки имелись также в Ольвии, Пантикапее, Синопе и других крупных городах Причерноморья, если относительно Гераклеи, ничем среди них не выделявшейся, известно, что, кроме Мемнона, она имела и ряд других, предшествовавших ему историков. От произведений двух из них, Геродора, автора «Слова о Геракле» и «Аргонавтики», и Нимфида, написавшего в III в. до н. э. обширные труды по истории родного города и по истории Александра, диадохов и эллигонов, сохранились даже фрагменты¹. Несомненно, что ценнейшие сведения о понтийских делах в «Политике» Аристотеля (например, о Геракле), у Полибия, Диодора, Страбона, Помпея Трога (Юстина), Тацита и других древних историков, а отчасти также в периплах, почерпнуты из таких обширных местных исторических произведений.

Хроника Мемнона «О Геракле» сохранилась лишь частично². Фотий дает эксерпты из IX—XVI книг и в заключение замечает, что ему ничего не известно ни о восьми предыдущих, ни о последующих книгах (Мемн. п., 60, 6). Впервые текст хроники был издан в 1816 г. Орелли³. Следующее издание принадлежит Мюллеру; оно снабжено латинским переводом, и в нем применена разбивка на «главы», улотребленная, повидимому, Фотием (60 «глав»).

Сохранившаяся часть хроники содержит историю Гераклеи от тираннии Клеарха (363 г. до н. э.) до эпохи Юлия Цезаря, причем, надо полагать, за XVI книгой следовали еще части — чувствуется незавершенность труда. Однако нет необходимости предполагать, что весь труд состоял из трех больших разделов по восьми книг в каждом (RE, XIII,

¹ F. Jacoby, *Fragmente der griechischen Historiker*, I, 1923, стр. 215; Müller, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, 1849, стр. 12—16.

² FHG, III, 525—558 (Memnonis *Peri Heraклеиас*).

³ Orellius *Memnonis historici excerpta*, Lips., 1816.

осталась совершенно незатронутой автором; о ней можно судить лишь благодаря Ю с т и ну (XVI, 3—5).

С 4 по 25-ю главу источником для М е м н о н а служил Нимфид, один из крупнейших гераклейских историков, бывший одновременно государственным деятелем (последняя четверть IV в. — первая половина III в. до н. э.)¹. Нимфид находился в числе гераклейских эмигрантов, которые выехали из Гераклеи около 363 г. в связи с изгнанием тиранном Клеархом массы аристократов; его отец, как можно судить по приведенному у Мюллера выражению из письма Хиона², находился в родстве с тиранном. В конце концов Нимфид возглавил эмигрантов, когда они в 281 г. решили возвратиться на родину (М е м н., 11). Из биографии Нимфида видно, что те части его трудов, которые касались тираннии, должны были быть резко тенденциозны и отличаться открытой враждебностью к тираннии. Источниками Нимфида в данном случае, наряду со старинной историей Гераклеи неизвестного автора, использованной и Эфором (уделившим значительное внимание Геракlee) и Теопомпом, послужила скорее всего памфлетная литература, возникшая в среде гераклейских эмигрантов-аристократов.

Повидимому, наиболее резкому осуждению Нимфида подвергались первые гераклейские тираннии, Клеарх и Сатир. Надо полагать, что так же он относился и к Дионисию, в правление которого эмигранты дважды пытались возвратиться на родину и уничтожить там тираннию (М е м н., 4). Они обращались за помощью сначала к Александру, затем к Пердикке, и все это должно было происходить уже на глазах Нимфида. Тем не менее историк должен был сохранить в отношении Дионисия и известную объективность, так как именно этот тиранн был основателем гераклейской державы, за восстановление и сохранение которой Нимфид боролся после своего возвращения в Гераклею в 281 г. Надо полагать, что сразу по возвращении Нимфид зарекомендовал себя искусным дипломатом, так как как раз в этот период Гераклея смогла успешно использовать междоусобицу в Вифинии (см. стр. 291, прим. 4). Судя по М е м н., 24, Нимфид сумел договориться с галатами, совершившими свое очередное нападение на Гераклейскую область, употребив наиболее действительное в подобных обстоятельствах средство — золото.

Тенденциозность труда Нимфида выступает особенно ярко в тех случаях, когда он пытается представить, будто Гераклея процветала и благоденствовала до тираннии и граждане ее пользовались всеми благами демократии (М е м н., 9), тогда как на самом деле установление тираннии было обусловлено острейшим социальным кризисом в государстве, причем до этого власть находилась в руках олигархов (I u s t., XVI, 4). Изображенная Нимфидом (М е м н., 9) картина демократического строя Гераклеи, вновь восстановленного с падением тираннии, должна соответствовать не непосредственно времени до захвата власти Клеархом, но средним десятилетиям V в., когда Гераклея действительно имела демократическое устройство. В связи с этим лозунг борьбы с тираннией, провозглашенный гераклейскими эмигрантами (достаточно вспомнить обращения эмигрантов к Александру и Пердикке), скрывал в действительности стремление олигархов вернуться к прежнему господству.

Как видно из М е м н., 11, Нимфид по возвращении эмигрантов в Гераклею счел невозможным требовать возмещения материальных потерь, понесенных эмигрантами в период господства тираннов, хотя он и сове-

¹ S u i d., s. v. Νύμφης; М е м н., 11; 24. Сочинения Н и м ф и д а: Пер: Ἡρακλείας, Περιπλους Ἀσίας, Περὶ Ἀλεξάνδρου καὶ τῶν Διαδόχων καὶ Ἐπιγόνων.

² M ü l l e r, F H G, III, 12.

товал своим друзьям перед тем, как они решились возвратиться в родной город, выступить с подобными требованиями. Этот отказ аристократов от старинных, но давно утерянных привилегий может быть объяснен, конечно, тем, что, возвратившись из изгнания, эмигранты смогли воочию убедиться в крепости и устойчивости положения демоса, ставшего со времен первых тирангов владельцем земель изгнанных аристократов. Пойти против этого порядка означало бы разжечь гражданскую войну, из которой вряд ли вышла бы победительницей кучка эмигрантов: Нимфид это хорошо осознал и, видимо, предостерег своих сотоварищей. В результате этого в городе, по словам Мемнона (11); установилось полное согласие.

Труд Нимфида о Гераклее был доведен, вероятно, до событий, связанных с описанным у Мемн., 24, набегом галатов и дарами Птолемея III Эвергета Гераклее (25,1). В тех частях этих глав, где Мемнон обращает внимание на вифинские дела, он мог использовать какое-либо сочинение по истории Вифинии или вообще местные вифинские источники.

Достоинством IX—XIV книг хроники является использование автором ряда ценных документальных источников. К числу таковых безусловно принадлежит приведенный Мемноном текст договора Никомеда I Вифинского с галатами (Мемн., 19). С 25-й главы (за исключением первого ее абзаца) источник Мемнона меняется. В 25-й—26-й главах на общем фоне краткого обзора событий римской истории от основания города до войны римлян с Антиохом III (25) рассматриваются столь же бегло отношения гераклеотов с римлянами, увенчавшиеся договором о дружбе и союзе между этими двумя государствами (26). Можно предполагать, что в данном случае Мемнон при общем своем незнании с римской историей воспользовался чьим-то трудом по истории Рима от основания города, а для характеристики гераклейских дел довольно неумело использовал надписи, возможно, также материалы гераклейского государственного архива, находившегося в храме Зевса (26). Следы использования надписей можно заметить в рассказе о письмах, которые гераклеоты получали от Сципионов, Луция и Публия, а также от Эмилия Павла. Незнанием и неумением обращаться с материалом следует объяснить нелепые хронологические перестановки в главе 26-й: в ответ на посольство гераклеотов к римским стратегам (Сципионам) они получают письмо от Эмилия Павла.

Общий ход развития римско-гераклейских отношений можно восстановить по данным Полибия и Тита Ливия об этом периоде римской истории, а также по важному эпиграфическому документу — письму римского консула к гераклеотам (SIG, II, 3800).

В главах 27—29 сохранились следы использования местного источника, причем между 28-й и 29-й главами существует большой пробел (почти в 100 лет) а, кроме того, допущена хронологическая перестановка: события 27-й и 28-й глав — осада Гераклеи Прусием I и набег галатов — имели место, как говорит сам автор, до перехода римлян в Азию¹, но они помещены после описания римско-гераклейских отношений. Это только доказывает слабое представление Мемнона о гераклейских событиях II в.; во всяком случае, в распоряжении Мемнона уже не могло быть труда, подобного истории Нимфида.

Начиная с 30-й главы, Мемнон писал хронику в ином плане: преимущественное внимание уделено истории Митридатовых войн. Здесь источни-

¹ Мемн., 28; по Stähelin, Geschichte der kleinasiatischen Galater, Lpz., 1907, стр. 49, нападение галатов на Гераклею, описанное у Мемн., 28, имело место в период между 200 и 190 гг.

нами могли быть *συγγραφεῖς*, о которых упоминает Страбон, а в тех частях, где речь идет о Гераклее, автор использовал, повидимому, сочинения Проматида Гераклеота и Домития Каллистрата, писавших о Гераклее (R e i n., Mithr., 454).

Бесспорно восходят к местным источникам описания двухлетней осады Гераклеи римлянами (47—52) и судьбы Синопы (53—54).

Что касается Митридатовых войн, то Мемнон часто дает такие сведения, которых нельзя почерпнуть из других авторов. Так, например, он сообщает, что в Дарданском договоре была статья, предусматривавшая, что римляне не должны чинить вреда тем городам, которые перешли на сторону Митридата (см. стр. 304, прим. 4).

В рассказе об осаде Гераклеи римлянами интересны те места, где засвидетельствованы столкновения в осажденном городе между гарнизоном и гражданами (M e m n., 49), а также обращение гераклеотов за помощью к Херсонесу, Феодосии и боспорским династиям (47; 49; см. стр. 309, прим. 6).

Вообще вопрос о положении Гераклеи в период Митридатовых войн так подробно освещен Мемноном, что при условии подкрепления соответствующими эпиграфическими данными он мог бы послужить темой специального исследования. С другой стороны, многие замечания хроники о Гераклее и гераклеотах в этот период позволяют судить о гераклейских сооружениях, о порте, о степени укрепленности города, об его общем расположении на берегу Ахерусийской бухты.

Однако нельзя не указать, что в тех случаях, когда Мемнон выходит за пределы гераклейской области или обращается к римским делам, в его рассказах появляются всевозможные несообразности, свидетельствующие, что автор хроники никогда не был в Риме и пользовался в отношении римских дел какими-то второстепенными, весьма посредственными сочинениями (это касается, например, рассказа о ходе войны Суллы с понтийскими войсками в Греции).

Мемнон излагает материал в хронологической последовательности, редко пытается обобщать материал, и это ему плохо удается. Так, например, глава 26, посвященная римско-гераклейским отношениям, крайне запутана. В главе 41, рассказав о падении города Никеи, Мемнон при попытке объяснить происхождение города и его имя, сбивчиво сообщает два варианта, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому.

Относительно датировки хроники имеются две точки зрения: Рейнак помещает Мемнона на рубеже I—II вв. н. э. (R e i n., Mithr., 453, прим. 2), в то время как Лакер, как уже указывалось выше, относит его к концу I в. до н. э. и началу I в. н. э.). Основной довод Рейнака сводится к тому, что Мемнон упоминает о санегах и лазах, которых еще не знает Страбон и которые впервые появляются у Плиния (NH, VI, 4, 12, 14). Однако вполне возможно, что Мемнон знал об этих племенах от историков Митридатовых войн. Вероятно, хроника Мемнона, составленная вообще для местного употребления, осталась неизвестной Страбону (а позже и Плутарху и Аппиану). Она возникла, вероятно, на рубеже I в. до н. э. и I в. н. э. Последние главы (59—60) рассказывают о восстановлении Гераклеи из развалин, причем в одном месте подчеркивается, что дело восстановления подвигалось очень медленно, что, несмотря на всевозможные усилия одного из активнейших деятелей Гераклеи в этот период — Бритагора, едва 8 тыс. жителей (вместе с челядью) поселились в городе (M e m n., 59).

В этих условиях важно было воодушевить граждан славными примерами прошлого, развернуть перед ними картину былого могущества города. Поэтому можно допустить, что автор хроники был близок к последнему

периоду независимой Гераклеи; вряд ли он был современником падения города, но не исключено, что он знал некоторых из участников грозных событий 72—70 гг. до н. э.

В заключение необходимо отметить высокую оценку, даваемую Мемнону современными историками, так или иначе пользовавшимися гераклейской хроникой.

Так, например, с большим уважением относится к данным Мемнона Я. А. Манандян, не раз подчеркивающий значимость его сведений относительно войны Тиграна II с Римом, как нейтрального автора по сравнению с Плутархом или Аппианом¹. В западноевропейской буржуазной науке наблюдается даже несколько преувеличенная оценка Мемнона как историка. Так, Рейнак ставит Мемнона в один ряд с тремя крупнейшими авторами, труды которых являются важнейшими источниками по истории Митридатовых войн, т. е. с Плутархом, Аппианом и Кассием Дионом. Он не раз привлекает данные Мемнона, иногда противопоставляя их сообщениям Плутарха или Аппиана и при этом отдавая ему предпочтение (это касается, например, цифровых данных Мемнона, см. стр. 302, прим. 4). Правда, Рейнак не касается главных преимуществ Мемноновой хроники, представляющей единственные, исключительно ценные сведения по истории Гераклеи. В этом последнем отношении хроника Мемнона особенно ценна потому, что она представляет ход событий с точки зрения одного из крупнейших эллинских городов Причерноморья.

Что же касается литературных достоинств хроники, то еще Фотий подчеркивал довольно высокое качество стиля и языка Мемнона (M e m n o., 60, 5—6), Моммзен же относит его к числу лучших писателей времен империи: «В области литературы эпохи империи Вифиния дала целый ряд превосходных писателей, наименее затронутых чрезмерной риторикой той эпохи, каковы философ Дион из Прусы, историки Мемнон из Гераклеи, Арриан из Никомедии, Дион Кассий из Никеи»².

Перевод сделан по изданию Müller'a, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, III, Paris, 1849, стр. 526—558.

¹ Я. А. Манандян, Тигран Второй и Рим в новом освещении по первоисточникам, Ереван, 1943, стр. 105—106.

² Моммзен, История Рима, V, 1949, стр. 281